

ТЕМА НОМЕРА

СЕТЕВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАКУРС

DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.587

Значимость прошлого и отношения в социальных сетях

Ссылка для цитирования: : Шпочиньски А. Значимость прошлого и отношения в социальных сетях // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 3. С. 44–58. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.587

For citation: Spoczynski, A. The importance of the past and relationships in social networks. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 44–58. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.587

Шпочиньски Анджей

Институт политических исследований ПАН,
Варшава, Польша

aszproc@02.pl

Значимость прошлого и отношения в социальных сетях

Аннотация. Через призму теории социальной памяти в статье рассматриваются вопросы интеграции сообществ в контексте воспитания чувства близости и связей в сетевом обществе. Автор размышляет о соотношении значимости прошлого на макро- и микроуровнях. Перед исследователем стоит задача отобразить роль сети в формировании индивидуальной и коллективной идентичностей, сосредоточившись на следующих проблемах: если прошлое играет столь существенную роль в интеграционных процессах на макроуровне, то является ли оно столь же важным на микроуровне; обращения к прошлому формируются или поддерживаются в сетях; является ли «сетевость» в коллективной памяти эффективным механизмом формирования позиций и установок. То есть ставится вопрос о значимости (или отсутствием важности) опыта прошлого (памяти общества). В статье представлены механизмы интегрирования общества при помощи напоминаний о прошлом, а также на основе анализа опросов последних двадцати лет показано, как в общественном сознании функционировали отдельные события из новейшей истории Польши. Автор представляет интерпретации, гипотезы, аргументы и контраргументы, касающиеся связи между сетевым характером общественной жизни и формированием различных вариантов отношения к прошлому. В результате проведенного исследования констатируется, что участие в сети очень слабо влияет на интерпретацию событий недавнего прошлого. Отмечается также, что наиболее достоверным источником знаний о прошлом являются непосредственные участники событий. Таким образом подтверждается гипотеза о том, что современные сети обладают влиянием на выбор традиций, а, следовательно, и на их трансформацию на макроуровне.

Ключевые слова: значимость прошлого, традиции, сети, сетевое общество, «сетевость», социальные связи, коллективная память

В теориях социальной (коллективной) памяти принято считать, что одной из главных функций является интеграция сообществ, которые адресуются к прошлому [Halbwachs 1969; Szacka 2006; Szpociński 2007: 25–43]. Эффектом интеграции является создание чувства близости и связей в обществе. Одним из механизмов создания и поддержания этого чувства выступает «сетевость» общественной жизни, т. е. функционирование единицы в сети её контактов с другими оказывает значительное, независимое от других индивидуальных атрибутов влияние на формирование ею позиций и компетентности, определяющих затем предпочтения, выборы и поведение¹. Показать, что мы имеем дело с реальным влиянием «присутствия в сети», а не влиянием иного рода, методологически и теоретически трудно. Особенно сложно это сделать в случае необходимости отразить роль сети в отношении элементов памяти общества. Ибо речь идёт о взглядах, позициях и установках, которые не обязательно являются центральными для формирования индивидуальной и коллективной идентичности. «Нахождение в сети» может не иметь центрального значения для их возникновения и поддержания. Укоренившаяся в концепциях коллективной памяти, выходящая за эмпирический материал интерпретация установленной зависимости в этом контексте имеет особое значение в качестве инструментария при проведении аналитического исследования.

Сосредоточимся на следующих проблемах: если прошлое играет столь существенную роль в интеграционных процессах на макроуровне, то является ли оно столь же важным на микроуровне; формируются либо поддерживаются в сетях обращения к прошлому; является ли «сетевость» в коллективной памяти эффективным механизмом формирования позиций и установок?

С точки зрения эвристики стоит несколько модифицировать вопрос и спросить не только о том, так ли это, но и в каких ситуациях соотношение с прошлым так важно. То, что кажется небольшим переформатированием, приводит к необходимости внесения уточнений, прежде всего касающихся упомянутой выше значимости прошлого. Тут речь идёт не столько о более точном определении этого понятия, сколько о его операционализации: как в конкретном случае констатировать, что мы имеем дело со значимостью (или отсутствием важности) опыта прошлого.

На теоретическом уровне эта проблема решается легко. Считается, что опыт прошлого (память общества) важен, когда он является существенной составляющей экзистенционального выбора, а не только знания (информации) о тех или иных событиях. Трудности появляются тогда, когда мы хотим перейти с теоретического уровня на уровень эмпирических решений, когда пытаемся переложить экзистенциональные проблемы на уровень конкретных операций. При стандартных опросах в такой ситуации обычно задаётся прямой вопрос: «По вашему мнению, является ли прошлое источником принятия важных жизненных

¹ Другой важной функцией социальной памяти, по нашему мнению, является легитимация общественного порядка.

решений?». Не ставя под сомнение значение подобного рода вопросов, можно принять, что обследование людей в сетях открывает новые возможности понимания того, что события из прошлого – источник важных экзистенциальных решений, интерпретация которых близкими не безразлична для наших с ними отношений. Малозначительные события не столь существенны не только для нашего повседневного выбора, но и для формирования нашего отношения с другими.

Статья состоит из трёх частей. В первой представлены механизмы интегрирования общества при помощи напоминаний о прошлом. Во второй на материалах наших исследований и анализа других опросов последних двадцати лет показано, как в общественном сознании функционировали отдельные события из новейшей истории Польши. В третьей части, детализируя исследования проекта «Люди в сетях» [Ludzie w sieciach... 2018], представлены интерпретации, гипотезы, аргументы и контраргументы, касающиеся связи между сетевым характером общественной жизни и формированием различных вариантов отношения к прошлому.

Прошлое как фактор интеграции

В прежних исследованиях интеграционные функции социальной памяти не являлись исследовательской проблемой – их принимали как аксиому. Интегральная функция памяти трактовалась (и являлась) объясняющей переменной, а не переменной объяснения [Szpociński 1989]. Другая характерная черта этих исследований заключается в том, что предметом изучения выступает интеграция на макроуровне, прежде всего на уровне национального сообщества (хотя это не констатируется *ekspresis verbis*). Данного уровня почти во всех исследованиях касаются такие вопросы, как: «Какие годовщины, по вашему мнению, должны отмечаться в нашей стране особенно торжественно?»; «Как вы считаете, в нашей истории были такие личности, которыми мы можем гордиться?»; «Были ли в нашей истории такие события, которыми мы можем гордиться?». Это, несомненно, вопросы о мнениях, позициях респондента, который позиционируется как член национального сообщества. В результате социальная действительность, относительно которой собираются эмпирические данные, определяется как действительность, рассматриваемая единицей с макроперспективой. Однако это не единственная социальная действительность, воспринимаемая единицей. Я попробую описать интеграционно-деинтеграционный механизм масштаба макро, который появляется в традиционных исследованиях памяти о прошлом, чтобы на этом фоне затем показать специфику памяти о прошлом на микроуровне.

Одним из наиважнейших пунктов в традиционных исследованиях является реконструкция признаваемых и отвергаемых (ценных, дающих поводы для гордости или стыда) в данной социальной группе (чаще всего

это национальное сообщество) важных событий, личностей, артефактов. Как правило, это именуется культурным (историческим) канон [Por. hasła kanon... 2014]. Элементы канона выполняют двоякую функцию: они являются собранием символов коллективной идентификации, а также носителями идейных и поведенческих ценностей, которые из-за их канонического характера признаются особо ценными для сообщества. Интеграция вокруг канона может проходить на двух уровнях – уровне носителей и уровне приписываемых им ценностей.

Современные народы представляют собой сильно дифференцированные сообщества в различных смыслах, в том числе культурном, идеологическом, политическом. Как это возможно, что в таких плюралистических обществах социальная память, как правило, является интегрирующим фактором? Так происходит потому, что культурный канон (примерно то, что чаще всего спрашивают о значимых личностях и событиях) в общественном сознании функционирует как фонд ресурсов, из которого индивиды выбирают то, что помогает им лично делать упорядоченный выбор. Иерархичное упорядочение канона, которое описывается в докладах об исследованиях, это артефакт – усреднённый результат многих различных индивидуальных упорядочений. Более точные исследования показывают, что мы имеем дело не с однородным линейным упорядочением, но с синдромами традиций. Барбара Шацкая в своём классическом исследовании об отношении польской интеллигенции к прошлому показала, что в польской культуре мы имеем дело с четырьмя синдромами традиций: традиций борьбы за национальное и социальное освобождение, традиций государственной организации (в двух версиях – вооружённой борьбы и мирного строительства), а также синдромом культурных традиций [Szacka 1972: 36–46].

Интеграция как чувство связи с другими формируется не как следствие убеждённости, что и другие делают идентичный выбор, но как убеждение, что они сделают выбор из того же фонда ресурсов. Иначе говоря, интегрирующим фактором является убеждение, что существует какая-то общенациональная культура [Kłoskowską 1996]. Принимая такой подход, нужно также признать, что интеграционные функции могут исполнять не только «сильные» каноны точно определённого состава и с однозначно определёнными ценностями, приписываемыми отдельным элементам (или их интерпретация), но также и самый слабый вид канона, в котором ничто чётко не определено – ни состав, ни ценности. Единственное, что он содержит – это убеждение, что такой канон существует, а его элементы являются носителями каких-то ценностей, а каких – надо устанавливать каждый раз [Czy kryzys kanonu 1997: 98–117]. Такой тип канона может интегрировать даже очень дифференцированные плюралистические сообщества.

Представленный механизм интеграции на макроуровне не обязательно подразумевает «сетевость», но её и не исключает: она может и усиливать, и ослаблять стимулируемые ею процессы. Много говорит за то, что «сетевость» может иметь большое значение для хода процессов на

микроуровне. Дело прежде всего в том, вокруг каких носителей символов и ценностей проходит интеграция. В прежних исследованиях заведомо принималось, что наши индивидуальные выборы определяет культура.

Внимание ко всевозрастающей роли «сетевости» заставляет рассматривать наши индивидуальные сети как одну из основных детерминант индивидуального выбора традиций. Это подкрепляется важными аргументами. Речь идёт о личных нарративах идентичности и автобиографической памяти в её конструировании. «Бытие меняет форму через рефлексии относительно конфигураций нарративного начала» – писал Поль Рикёр [Ricoeur 2008]. С точки зрения моих интересов важно не столько обратить внимание на изменение конструируемых идентичностей, сколько на нарративный характер этого процесса. Наррация, на что обращают внимание как философы истории, так и авторы биографических исследований, влияет не на «натуральный» характер личности, а на культурный. Помня или рассказывая (себе или другим) о прошлом, личность пользуется принятыми в культуре данного общества интерпретационными схемами, модифицируя их. Учёт сетевого характера социальной реальности предписывает остановиться на роли индивидуальных сетей в процессе создания нарратива. Прежде всего – в отношении личностной автобиографической памяти, а как следствие – в более широкой социальной памяти сообщества.

Мнения о событиях недавнего прошлого в общественном сознании

В проекте «Люди в сетях» мы спрашивали о важных событиях недавнего прошлого: военное положение, Круглый стол, роль Костёла в свержении коммунизма¹, польза для Польши от вступления в Евросоюз, а также цена приватизации 1990-х гг. Прежде чем перейти к этим событиям, я бы хотел, ссылаясь на существующее состояние исследований, дать краткий обзор общественного мнения по этому вопросу.

Через 15 лет после введения военного положения 65% респондентов считали, что это защитило нас от вторжения СССР, одна треть были противоположного мнения [ОВОР 1996]. В 2016 г. те, кто не находили такого основания, по-прежнему оставались в меньшинстве. Таково было мнение 28% опрошенных, в то время как для 43% это решение представлялось верным, а 29% затруднялись с однозначным ответом [TNS 2016].

¹ ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПНР было введено 13 декабря 1981 г. в связи с назначением на 17 декабря всеобщей забастовки, грозившей перерасти в кровавые столкновения в стране и вооружённую интервенцию войск ОВД; КОСТЕЛ (КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ) сыграл важную роль в предотвращении эскалации конфликта в стране: примас архиепископ Ю. Глемп поддерживал мирные инициативы президента В. Ярузельского. Священники представляли храмы для проведения мероприятий оппозиции как «выпуска пара» протестных настроений; 3. КРУГЛЫЙ СТОЛ в ПНР – переговоры в феврале-апреле 1989 г. между властями ПНР и оппозиционным профсоюзом «Солидарность», приведшие к согласию сторон и проведению глубоких политических и экономических преобразований.

Расхождение мнений также существует в отношении Круглого стола. В 1989 г. результаты его работы оценивали позитивно 60% поляков. В исследованиях CBOS [CBOS 2014] в 25-ю годовщину его работы оценка существенно не изменилась: позитивно её оценивали 42%, негативно – 10, затруднились что-либо сказать 11, а 37% сказали, что это их не интересует.

Мнения об обоих событиях расходятся, а, следовательно, в значительной степени они конфликтогенны. Конфликтогенна также оценка роли Костёла в процессе демонтажа коммунизма. В исследованиях 1995 г. позитивно о ней высказались 36%, негативно – 33 [ОВОР 1989].

Менее дифференцированы, а, следовательно, потенциально менее конфликтогенны оценки плюсов от вступления в Евросоюз. В этом случае явно преобладают позитивные оценки. В исследованиях 2012 г. [CBOS 2014] на вопрос «Считаете ли вы членство нашей страны в ЕС в целом чем-то позитивным или негативным?» 56% ответили положительно, 11 – негативно, 29 – ни хорошо, ни плохо, а 4% не имели мнения на эту тему.

В отношении приватизации трудно найти более ранние исследования, которые можно было бы сопоставить с данными нашего проекта «Люди в сетях».

Результаты исследований в значительной степени совпадают с приводимыми примерными результатами. Если взять во внимание ответы его, то далеко идущее совпадение можно отметить в случае вопросов о введении военного положения, о роли Костёла и оценки роли ЕС для развития Польши. На вопрос об обоснованности введения военного положения 43% ответили положительно, 19 – негативно, а 39% выбрали ответ «трудно сказать». На вопрос, связано ли развитие Польши в последние 11 лет в основном с членством в ЕС, 72% выбрали ответ «да», 12 – «нет», а 16% затруднились с ответом. На вопрос о позитивной роли католического Костёла 33% согласилось с постановкой вопроса, 33 – нет, а 34% выбрали ответ «трудно сказать». На вопрос, были ли заседания Круглого стола изменой идеалам «Солидарности», 20% респондентов ответили «да», 31% дали отрицательный ответ, 49% выбрали позицию «трудно ответить». На вопрос, была ли приватизация начала 1990-х гг. «грабежом национального достояния», 55% согласились, 15% нет, а 30% не нашли ответа.

Таким образом, следует констатировать, что представленные выше результаты исследований «Люди в сетях» приближаются к результатам более ранних зондажей. Это свидетельствует о том, что мы имеем дело с прочными, хорошо укоренёнными в общественном сознании тенденциями. На что следует обратить внимание, – это высокая степень расслоения мнений об интересующих нас событиях. В основном – относительно Круглого стола. В отношении ЕС существует укоренившееся согласие. С учётом дифференциации мнений военное положение занимает среднюю позицию между Круглым столом и Костёлом, с одной стороны, и между ЕС и приватизацией – с другой, но ближе ко второму случаю.

Вышесказанное имеет отношение к моим последующим исследованиям на тему роли отношения (общественной памяти) к прошлому. Если понимать «сетевость» как выработку взглядов (убеждений) с учётом погружения в такую, а не иную сеть межчеловеческих отношений, то исследователю её легче анализировать тогда, когда в сообществе существует большая дифференциация взглядов. В ситуации, когда большинство мыслит одинаково (а это так в случае оценки роли ЕС, а также в известной степени – приватизации и обоснованности введения военного положения), трудно сделать вывод, из чего вытекает совпадение взглядов – из участия в конкретной сети, или из факта, что все индивидуальные сети подчинены одинаково «стандартизирующему» воздействию на мнения. С этой точки зрения для меня самые интересные случаи – это мнения о Круглом Столе и роли Костёла.

Совпадение мнений *alter* и *ego*. Результаты, интерпретации, гипотезы, аргументы и контраргументы

В проекте «Люди в сетях» был применён метод, благодаря которому получены новые данные. Наши исследования проводились в двух фазах. В первой фазе на вопросы, сформулированные в анкете, отвечал основной респондент, назовём его *ego* (Я). Во второй те же самые вопросы были адресованы тем, кого *ego* указывал в качестве элементов сети близких ему людей (вне семьи). Мы их называем *alter* (другие). Такой способ сбора данных позволил нам исследовать, в какой степени лица, признаваемые близкими, подобны ему (ей) с точки зрения возраста, воспитания, доходов, взглядов, позиции, поведения и других характеристик.

Результаты такого рода сравнений – основа для интерпретаций, допущений и взвешивания обоснованности аргументов, определяющих значимость сетевых аспектов действительности в формировании единомыслия и взаимодействия между людьми. Хотя я ссылаюсь на статистику в процентах, всё же я не провожу основательного количественного анализа, но стараюсь интерпретировать (в контексте своего знания о социальной памяти) гомо- и гетерофоничность социальной памяти в личных отношениях, центральным пунктом в которых является *ego*. При исследовании отношения к прошлому применение такого метода позволяет добраться до неисследованного ранее уровня явлений: а именно – до мнения о событиях прошлого, свободного от давления коллективного контекста; в перспективе респонденты в стандартных исследованиях должны интерпретировать это прошлое.

Можем ли мы обоснованно интерпретировать мнение о недавнем прошлом в категориях единомыслия и взаимовосприятия, обусловленного сетевизацией общественной жизни?¹. Я исхожу из того, что чем

¹ Говоря здесь о прошлом, я имею в виду новейшее прошлое – то, о котором мы спрашивали в наших исследованиях.

больше гомофоничность позиций по отношению к прошлому или сходства мнений *ego* и *alter*, тем в большей степени отношение к прошлому возникает и удерживается в индивидуальных социальных сетях.

Приводимые таблицы 1–5 содержат информацию о сходстве и различиях в позициях *ego* и *alter*. Высказывания последних, сходные с высказываниями *ego*, выделены жирным шрифтом.

Сравнение позиций *ego* и *alter* на тему роли Европейского союза, приватизации, а также в определённой степени и обоснованности введения военного положения не дают оснований, по моему мнению, для утверждения, что механизм возникновения и поддержания представлений о прошлом в значительной степени обусловлен запутанностью трактовок в индивидуальных сетях. Правда, мы здесь имеем дело с высокой степенью согласованности мнений между *ego* и *alter*, но так бывает только в ситуации, когда *ego* выражает взгляды, повсеместно принятые в польском обществе. В такой ситуации трудно было бы принять, что согласие является эффектом участия в сети. В ситуации, когда *ego* формулирует непопулярные взгляды, *alter* в большинстве случаев не соглашается с *ego*. В случае с ЕС непопулярного мнения «нет», высказанного 12-ю процентами респондентов *ego*, не разделяют (в среднем) 71% их *alter*. В случае негативной оценки приватизации 15% *ego* говорят «нет», соглашаются с ними только 23% их *alter*. Наконец, по вопросу введения военного положения говорят «нет» 18% *ego*, и соглашаются с ними только 34% их *alter*. Небольшая численность, возможно, не позволяет формулировать неоспоримые выводы, но направление, в котором должна идти интерпретация, кажется в этом случае намечено правильно.

Таблица 1 (Table 1)

Распределение ответов на вопрос:

«В какой мере вступление в ЕС способствовало развитию Польши?», %

*Distribution of responses to the question**“To what degree did joining the EU contribute to Poland’s development?”, %*

	Согласен	Не согласен	Нет данных	Всего
Ответы респондента <i>ego</i>	71,8	11,8	16,4	100
Средний процент респондентов <i>alter</i> , которые согласны с этим	74,2	71,4	66,7	
Средний процент респондентов <i>alter</i> , которые не согласны с этим	11,4	23,0	15,0	
Средний процент респондентов <i>alter</i> , которые не имеют мнения	14,4	5,6	18,4	
Всего	100	100	100	

Таблица 2 (Table 2)

Распределение ответов на вопрос:
 «Была ли приватизация разграблением национального достояния?», %
Distribution of responses to the question
 “Do you consider privatization to have been a depredation of national assets?”, %

	Согласен	Не согласен	Нет данных	Всего
Ответы респондента <i>ego</i>	54,8	14,9	30,3	100
Средний процент респондентов <i>alter</i> , которые согласны с этим	65,1	44,5	51,1	
Средний процент респондентов <i>alter</i> , которые не согласны с этим	10,0	23,8	8,0	
Средний процент респондентов <i>alter</i> , которые не имеют мнения	24,9	31,8	40,8	
Всего	100	100	100	

Таблица 3 (Table 3)

Распределение ответов на вопрос:
 «Спасло ли введение военного положения Польшу в 1981 г.
 от военной интервенции Советского Союза?», %
Distribution of responses to the question “Did implementing martial law in 1981
save Poland from Soviet military intervention?”, %

	Согласен	Не согласен	Нет данных	Всего
Ответы респондента <i>ego</i>	43,3	18,8	37,9	100
Средний процент респондентов <i>alter</i> , которые согласны с этим	50,8	42,8	39,7	
Средний процент респондентов <i>alter</i> , которые не согласны с этим	16,7	33,7	16,7	
Средний процент респондентов <i>alter</i> , которые не имеют мнения	32,5	23,6	43,6	
Всего	100	100	100	

Таблица 4 (Table 4)

Распределение ответов на вопрос:
 «Сыграл ли католический Костёл самую важную роль
 в ликвидации коммунистической власти в Польше?», %
Distribution of responses to the question “Did the Catholic Church play the most
important role in abolishing communist government in Poland?”, %

	Согласен	Не согласен	Нет данных	Всего
Ответы респондента <i>ego</i>	32,6	33,4	34,0	100
Средний процент респондентов <i>alter</i> , которые согласны с этим	41,4	29,8	27,5	
Средний процент респондентов <i>alter</i> , которые не согласны с этим	30,7	41,0	32,4	
Средний процент респондентов <i>alter</i> , которые не имеют мнения	27,9	29,1	40,2	
Всего	100	100	100	

Таблица 5 (Table 5)

Распределение ответов на вопрос:
 «Были ли переговоры Круглого стола предательством идеалов “Солидарности”?» %
Distribution of responses to the question “Do you consider Round Table negotiations to have betrayed the ideals of ‘Solidarity’?”,%

	Согласен	Не согласен	Нет данных	Всего
Ответы респондента <i>ego</i>	20,3	31,1	48,5	100
Средний процент респондентов <i>alter</i> , которые согласны с этим	30,7	45,6	18,6	
Средний процент респондентов <i>alter</i> , которые не согласны с этим	23,7	43,4	23,1	
Средний процент респондентов <i>alter</i> , которые не имеют мнения	45,6	36,5	58,3	
Всего	100	100	100	

Появление расхождений между *ego* и *alter* можно гипотетически объяснить иначе – для респондентов прошлое попросту мало значимо как поле жизненного опыта. Подобные результаты были получены в различных других исследованиях, в том числе в 2016 г. Можно было бы пойти дальше в этих гипотезах и принять, что раз вопросы о новейшей истории несут на себе определённый политический груз, то следует предположить, что политическая сфера несущественна для функционирования сети, или – в более осторожной версии (и я склоняюсь к ней), – что новейшее прошлое не так существенно для конституирования политической сферы. Проще говоря, людей интересуют актуальные программы, а не то, какие позиции занимали или что делали представители определённых политических воззрений двадцать или тридцать лет тому назад. Определённые обстоятельства, однако, указывают на то, что можно сформулировать контраргументы против этой гипотезы. Обсудим их.

Мы привыкли говорить о прошлом, как о чём-то однородном. Тем временем в исследованиях в зависимости от постановки вопросов мы можем иметь дело с разными фигурантами памятных событий. Прошлое, которое описывается в стандартных зондажах, как правило, – это события, которые подверглись осмыслению или вошли в культурно оприходованные структуры изложения. Переосмысленное прошлое – уже не просто рассказ о том, что случилось, но рассказ, обросший дополнительными значениями, которые в известных ситуациях становятся даже важнее, чем то, что содержит сообщение.

Рассуждая о дополнительных значениях, можно иметь в виду то, что прошлые события (факты, лица, произведения культуры) воспринимаются обычно как собственность (наследство) тех или иных социальных групп, символизирующая ценности, важные для группы/сообщества. Бывает и так, что эти важные ценности оказываются стёртыми. А важным оказывается только то, что они – «наши». Упомянутые дополнительные значения можно понимать шире – как метафоризацию. В такой трактовке осмысление – это что-то значительно большее, чем политические или общественные коннотации.

Ссылаясь на других авторов – П. Рикёра [Ricoeur 2008] и выдающегося польского антрополога культуры М. Червиньского [Czerwiński 1997] – высказывание (или мышление) на метафорическом языке хотелось бы противопоставить высказыванию (мышлению) на языке дискурсивном (протокольном). Смысл использования метафорического языка – в получении информации. Вот пример: Идёт снег. Я, желая сообщить кому-то, что вижу за окном, могу сделать это различными способами. Произнося слова «снежный покров», я использую протокольное определение, свободное от коннотаций, от оценивания и эмоциональной окраски; зато, если сказать «снежный ковёр», то уже используется метафора и вводятся смыслы, которых не предполагало прежнее определение. Ковёр – это роскошь и украшение, что-то, что для нас симпатичное и одновременно облагораживающее. Мы можем также сказать «снежное покрывало, которое напоминает ковёр, поскольку выглядит как дорогая материя» [Czerwiński 1997]. Это последнее высказывание, оформленное, как и первое, на протокольном языке, лучше всего демонстрирует отличие от метафорического языка. В протокольном языке теряется характерное для метафоры богатство мира. Теряется что-то большее, чем непосредственность и сила внушения. Метафоры также меняют качество приобретаемого миром опыта, не только его картинку. Различие между аналитическим и метафорическим состоит не только в том, что о быте говорится иначе, но говорится о чём-то другом, которое иначе воспринимается. Это онтологическое различие.

После этих теоретических размышлений вернёмся к интерпретации эмпирических данных, полученных из наших исследований. В случае событий, о которых мы спрашивали в наших опросах, показателем степени переосмысления может быть позитивное соотношение между оценкой события и политическими симпатиями («за кого я голосовал»). Исходя из этого, единственным переосмысленным событием является Круглый стол (возможно, также и роль Костёла, однако нет достаточных данных, чтобы формулировать гипотезы на эту тему). Остальные события не имеют такого характера, т. е. они прежде всего рассказывают о прошлом, без соотнесения с тем, что «здесь и сейчас».

В случае оценок военного положения нет никакой тесной зависимости между ними и политическими симпатиями (см. таблицу 6). Также и в случае трактовки значения Европейского союза для развития Польши и оценки приватизации, где проявляется почти единомыслие. Однако в случае с Круглым столом существует явная зависимость мнений об этом событии от политических симпатий. Влияет ли высокая степень осмысления на сходство или несходство мнений между *ego* и *alter*? Отличается ли чем-то Круглый стол, с этой точки зрения, от остальных случаев?

Сравним самое большое расхождение во мнениях в наших исследованиях между *ego* и *alter* – они самые низкие в случае Круглого стола. В вопросе о военном положении 42,8% *alter* и *ego*, которые не согласны с утверждением, что военное положение спасло нас от советской агрессии, оценили военное положение как спасение. В вопросе о приватизации

44,4% *alter* и *ego*, дающих ответ «нет», ответили «да», а в вопросе о ЕС даже 71% *alter* и *ego*, дающих ответ «да», ответили «нет». В случае, когда *ego* отвечали «нет», только 20% *alter* давали противоположные ответы.

Таблица 6 (Table 6)

Мнения сторонников отдельных партий относительно введения
военного положения в Польше в 1981 г. (низкий уровень осмысления), %
Opinions of those who support certain parties on Poland declaring martial law in 1981
(low level of understanding), %

ВЫБОРЫ 2015		Партии						
		ПиС	ПиС	ГП	Кукиз	Соврем	Объед. лев. и Razem*	Ост.**
МНЕНИЕ: Введение военного положения спасло от интервенции со стороны СССР	Согласен	44,0	43,8	53,8	30,3	43,6	55,4	45,4
	Не согласен	13,7	25,3	53,8	26,3	43,6	14,6	19,8
	Нет мнения	42,3	30,9	30,1	43,4	32,1	30,0	34,8
Всего		100	100	100	100	100	100	100

*Объединены из-за небольшой численности.

**Учитываются голосующие за остальные организации.

Эти результаты можно интерпретировать следующим образом (только гипотеза). В случае Круглого стола то или иное мнение было в большей степени, чем в других случаях, результатом воздействия сети. Обобщая, следовало бы принять, что при основательно осмысленных событиях мнение о них является следствием пребывания в сетях. Если мы примем этот тезис, то сформулированную выше гипотезу о небольшой значимости прошлого при определении политичности надо бы ограничить только теми случаями, в которых события из прошлого не подвергаются переосмыслению.

Против этой гипотезы можно, однако, выставить контраргумент. Если мы примем во внимание сходство мнений *ego* и *alter*, то оно отнюдь не выше в случае Круглого стола, чем при оценке других событий (ЕС, приватизация, военное положение). В защиту своей гипотезы я указал бы на высокие процентные показатели в категории «трудно сказать». Можно принять, что в этих формулировках при желании дать однозначный ответ, среди *alter* в категории «трудно сказать» оказались многие, чьи ответы только в небольшой степени могли отличаться от ответов *ego*.

К выводам

Подводя итоги, можно сказать, что участие в сети только в небольшой степени влияет на интерпретацию событий недавнего прошлого. Это влияние намного меньше, чем можно было бы ожидать. Однако будем помнить, что наши выводы касаются только недавнего прошлого, слабо осмысленного (или слабо насыщенного вторичными значениями).

В качестве генератора убеждений и культурных компетенций сеть может иметь большое значение для функционирования прошлого как фактора, интегрирующего на макроуровне.

Интерес к прошлому может иметь свой источник, прежде всего в сети. Исследования достаточно ясно показывают, что это место – не школа. Кроме того, те же исследования социальной памяти показывают, что наиболее достоверными источниками знаний о прошлом считаются непосредственные участники событий и любители-пассионарии. Это некоторым образом подтверждает гипотезу, что современные сети, однако, оказывают влияние на выбор традиций, а тем самым на форму, какую принимает трансформация традиций на макроуровне.

Библиографический список

CBOS. 2014. Dwudziesta piąta rocznica obrad Okrągłego Stołu. W., Centrum Badania Opinii Społecznej (K. 16/2014). URL: http://www.okragly-stol.pl/wp-content/uploads/2014/09/CBOS_25_lat_Okraglego_Stolu.pdf (Дата посещения: 04.07.2019).

Czerwiński M. 1997. Sztuka w pejzażu kultury. W.: Instytut Kultury. 204 s.

Czy kryzys kanonu // U progu wielokulturowości / M. Kempny, A. Kapciak, S. Łodziński (red.). W.: Oficyna Naukowa. S. 98–117.

Halbwachs M. 1969. Społeczne ramy pamięci. W.: PWN. 436 s.

Kłoskowską A. 2005. Pojęcie kultury narodowej // Kultury narodowe u korzeni. W.: Wyd. Nauk. PWN. 470 s.

Ludzie w sieciach. Znaczenie otoczenia społecznego dla funkcjonowania jednostki. / B. W. Mach, I. Sadowski (red.). W.: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2018. 270 s.

OBOP. 1989. Opinie mieszkańców Warszawy o obradach “okrągłego stołu” – kwiecień 1989. W.: Ośrodek Badania Opinii Publicznej (K. 14/516).

OBOP. 1996. Stan wojenny w opinii Polaków przed 15 rocznicą stanu wojennego. W.: Centrum Badania Opinii Społecznej (K. 102/96). URL: http://www.tnsglobal.pl/archiv_files/102-96.pdf (Дата посещения: 04.07.2019).

Por. hasła kanon historyczny oraz kanon kulturowy. 2014 // Modi memorandi, Leksykon kultury pamięć / M. Saryusz-Wolska, R. Traba (red.). W.: Wyd. Nauk. Scholar. 592 s.

Ricoeur P. 2008. Czas i opowieść. T. 3. Czas opowiadany. Kraków: Wyd. UJ. 353 s.

Szacka B. 1972. Wzory tradycji narodowej we współczesnej świadomości potocznej. Teksty: teoria literatury, krytyka, interpretacja. № 5. S. 36–46.

Szacka B. 2006. Czas przeszły, pamięć – mit. W.: WNS. 223 s.

Szpociński A. 1989. Przemiany obrazy przeszłości Polski: analiza słuchowisk historycznych dla szkół podstawowych 1951–1984. W.: Uniwersytet Warszawski.

Szpociński A. 2007. O współczesnej kulturze historycznej Polaków // B. Korzeniowski (red.). *Przemiany pamięci społecznej a teoria kultury*. Poznań: UAM. S. 25–43.

TNS. 2016. Pamięć o stanie wojennym. URL: http://www.tnsglobal.pl/archiwumraportow/files/2016/12/K.073.Pamiec_o_stanie-wojennym_O11b-16pdf (Дата посещения: 04.07.2019).

Статья поступила: 14.06.2019

DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.587

The Importance of the Past and Relationships in Social Networks

Andrzej Spoczynski

Institute of Political Studies of Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland

E-mail: aszpoc@02.pl

For citation: Spoczynski, A. The importance of the past and relationships in social networks. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 44–58. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.587

Abstract. Through the lens of the collective memory theory, this article examines issues of community integration, within the context of fostering a sense of affinity and connection in a network society. The author ponders the proportion of significance of the past on a macro- and micro-level. The main goal of the researcher is to display the role of a network in developing individual and collective identity, while focusing on the following problems: if the past plays such a vital role in processes of integration on a macro-level, does it play as crucial a role on the micro-level; does addressing the past develop or sustain itself within a network; can “network proclivity” in collective memory be considered an effective mechanism for developing attitudes. In other words, the significance (or lack thereof) of past experience (collective memory) is brought into question. This article presents certain mechanisms for integrating society by means of using reminders from the past. Also, based on analyzing polls which were conducted throughout the last twenty years, it is revealed how specific events in Poland’s recent history have played out in collective memory. The author presents interpretations, hypotheses, as well as arguments and counterarguments with regard to the connection between the network nature of social life and the development of various forms of connection to the past. The results of the study indicate that participation in a network has an insignificant effect on one’s interpretation of events from the recent past. Also highlighted is the fact that individuals who directly participated in certain events are the most trustworthy source of knowledge of the past. This confirms the hypothesis that modern networks do have an effect on choosing traditions, and therefore on their transformation on a macro-level.

Keywords: significance of the past, traditions, networks, network society, networking, social relations, collective memory.

References

- Czerwiński M. *Sztuka w pejzażu kultury*. Warszawa: Instytut Kultury, 1997.
- Czy kryzys kanonu. In: *U progu wielokulturowości*. Kempny M., Kapciak A., Łodziński S. (eds.). Warszawa: Oficyna Naukowa, 1997: 98–117.
- Kłoskowską A. *Pojęcie kultury narodowej*. In: *Kultury narodowe u korzeni*. Warsaw: PWN, 1996.
- Por. hasła kanon historyczny oraz kanon kulturowy. In: *Modi memorandi, Leksykon kultury pamięć*. M. Saryusz-Wolska, R. Traba (eds.). Warsaw: Wyd. Scholar, 2014.
- Ricoeur P. *Czas i opowieść*. T. 3. *Czas opowiadany*. Kraków: Wyd. UJ., 2008: 353.
- Szacka B. *Wzory tradycji narodowej we współczesnej świadomości potocznej*. 1972: 36–46.
- Szpociński A. *Przemiany obrazyw przeszłości Polski*. Wwrsaw: Wyd. UW, 1989.

The article was submitted on: 14.06.2019